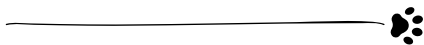

История
С КОШКОЙ

Наталья Полянская

Три цвета счастья

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

Полянская, Наталия.

П54 Три цвета счастья / Наталия Полянская. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106855-4

У Марьяны и трехцветной кошки Фельки обычная жизнь с кучей проблем: мама тяжело больна, брат вляпался в темную историю, денег едва хватает на всех.

Очень кстати давний знакомый предлагает Марьяне хорошо заработать, присматривая за его квартирой. Девушка, конечно, соглашается — деньги нужны. Да и парень уж очень привлекательный! Иван Райковский — первая и, возможно, единственная любовь Марьяны.

Пока Фелька очаровывает всех жителей новой квартиры, а Марьяна обустроивает быт Райковских, Иван, озабоченный положением девушки, пытается разобраться, как получилось, что хрупкая Марьяна осталась в своей семье за старшую? Может, ее родственники что-то скрывают? А может, тайна от Марьяны есть у него самого?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полянская Н., текст, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-106855-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моей свекрови,
которая никогда не сдаётся*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Черный

Глава 1

Это всё автобус. Он должен был прийти — и не пришел. Почему так? Почему так происходит, когда тебе очень нужен именно этот автобус, в двадцать тридцать две, и ходит он раз в полчаса? Как можно даже опаздывать на минутку, не говоря уж о полном пропадании в неизвестной вселенной, если ты ходишь раз в полчаса?

На остановке было людно, то и дело подскакивали деловитые маршрутки, выплевывавшие людей и жадно заглатывавшие новых. Подкатило несколько автобусов, но всё не те. Марьяна не могла стоять на месте — ходила туда-сюда, останавливалась, вглядывалась в поток транспорта до рези в глазах, пока наконец не углядела свой номер. Уже не пропавший автобус, следующий. Почти тридцать минут потеряно.

Конечно, Марьяна написала эсэмэску (мама не любит, когда звонят после шести — громкая трель телефона ее нервирует, а тихий сигнал она не слышит), однако всё равно чувствовала себя виноватой. Абсурдно, ведь она — не водитель автобуса, она не отвечает за расписание транспорта. Чувство вины рождалось где-то под ребрами и тихонько жгло там, и Марьяна боялась, что однажды прожжет пальто.

Хотя... оно ведь старое, и дыра уже есть — в кармане. Никак руки не доходят зашить.

В автобусе повезло: удалось сесть, да не просто, а к окну, откуда тебя не выковыряют без усилий. Ноги гудели, и Марьяна вытянула их, как смогла, отвернувшись от набившихся в салон людей и стала смотреть в окно. Стекло немного запотело, пришлось провести по нему рукавом. Открылся город, наполненный спешащими домой людьми, машинами, намертво застрявшими в пробке на поворот, и бледными неуверенными фонарями. Асфальт блестел после недавнего дождя, и прилипшие к бордюрам кленовые листья казались сморщенными и жалкими, как трясущиеся руки старухи.

Ехать было минут пятнадцать. Марьяна задремала в духоте и едва не пропустила свою остановку, но вовремя встрепенулась и протиснулась к выходу. Теперь супермаркет на углу

(где, конечно же, очередь), и побыть у мамы, и потом — домой. А дома — спать, спать, спать... Завтра суббота и — о, счастье! — не Марьянино дежурство.

Подъезд был ярко освещен, в крохотной будочке консьерж разогревал чайник и пахло пирожками.

— Добрый вечер, Станислав Георгиевич!

— Добрый, Марьяна Михайловна!

В старом доме, где когда-то давали квартиры за особые заслуги, жильцы друг друга знали. Конечно, приезжали и новые — кто-то продавал квартиру, кто-то умирал, и дети с внуками сдавали жилплощадь, но основной состав оставался прежним. Как и консьерж, вот уже двадцать лет охранявший вход, словно добродушный чербер с усталыми глазами.

Лифт застрял где-то на верхних этажах, и на третий Марьяна поднялась пешком. Отличная физическая нагрузка — пару раз в неделю по лестнице с тяжелыми сумками. Марьяна как-то предложила маме заказывать доставку продуктов на дом, но Лия Николаевна с возмущением отказалась. Она была подозрительна и неохотно пускала в квартиру даже сантехника, которого знала давным-давно. А уж курьер из непонятного интернет-магазина!..

Марьяна открыла дверь своим ключом, вошла, прислушалась и улыбнулась. Из гостиной доносились звяканье ложечек, тихий шорох и голоса.

— Вот не права ты, Арина. Ничего хорошего не получится из этого.

— Почему же не получится, Лиечка? Надо просто все обдумать, обсудить, а там уж дальше пойдет как по маслу.

— Рискованно очень...

— Так ведь без риска и не бывает выигрыша.

Марьяна хлопнула дверью, и голоса в гостиной умолкли. Затем мама спросила:

— Это ты, Марьяна?

— Я, мам, кто же еще...

Оттащив пакеты на кухню (позже можно будет разобрать), Марьяна зашла в гостиную. Тут всё было обычно и привычно: круглый стол посреди комнаты, утопающие в полумраке советские шкафы, уютная лампа под зеленым абажуром, освещающая лежавшие на скатерти карты. Рядом притулилось блюдечко с баранками и сухарями с изюмом, стояли две тонкостенные фарфоровые чашечки, а также заварочный чайник под специальным стеганым колпачком. За окном, полузакрытым тюлевыми занавесками, — сентябрьский вечер, почти ночь.

— Здравствуй, Марьяна, — кивнула ей лучшая мамина подруга.

— Привет, тетя Арина. Что у вас за сложности? Расклад не сходится?

— Да вот, выбрали новый, но ему надо серьезные вопросы задавать, и тогда ответы будут серьезные.

— Как сегодня себя чувствуешь? — Марьяна чмокнула маму в щеку и уселась на свободный стул, разглядывая расклад карт Таро. Сложный был расклад, заковыристый, с ответвлением, тянущимся к чайнику в колпачке.

— Да нормально, всё хорошо, — привычно отмахнулась мама. — Ты продукты принесла?

— Да, всё по списку. Молоко только не «Дарьинское», а «Бодрая корова».

— «Дарьинское», конечно, лучше... но ладно. — Мама взялась за чашку и отпила глоток. Марьяна смотрела, как чуть подрагивает изящная рука. — Положишь в холодильник? А мы пока расклад закончим.

— Хорошо, — кивнула Марьяна, поднимаясь. И правда, нечего засиживаться. Разложить продукты, пробежаться по комнатам с тряпкой — стереть пыль, сегодня больше ни на что сил не хватит, — и ехать домой. Народу в метро уже поменьше, можно спать или читать...

Пока Марьяна шуршала пакетами на кухне, знакомой до последнего уголка, мама и Арина в комнате негромко переговаривались. Опять на счет расклада у них мысли не сошлись. Вот, казалось бы, сколько лет, а всё то же самое!

Арина Петровна Шавкута была маминой закадычной подругой, Марьяна даже сказала бы — заклятой. Иногда они шумно ссорились, категорически не сходясь во мнениях, а так как каждая полагала себя экспертом во всех вопросах в мире, споры бывали жаркими и насыщенными. Однажды Арина Петровна во время спора так стукнула кулаком по столу, что бублики рассыпались и сдвинули с места карты, и мама сказала, что это не к добру, и точно: назавтра лопнула лампочка на этаже, Арина Петровна споткнулась в темноте и набила шишку на коленке. Всё из-за бубликов.

Познакомились подруги давным-давно, когда мама еще гастролировала, а Арина Петровна оказалась врачом, к которому она однажды пришла на осмотр с легкой простудой. Там они поругались (мама пыталась объяснить Арине, как нужно лечить пациентку, а Шавкута полагала, что и сама знает), потом помирились, потом выяснилось, что живут они в соседних подъездах... С тех пор Арина Петровна начала заглядывать на огонек. Жила она одна, в анамнезе имелся

развод с мужем, не выдержавшим медицинского темпа жизни, и семья Ковалевых оказалась отдушиной. Пока был жив отец, Арина Петровна приходила раз или два в неделю, а потом уже — почти каждый вечер, если была свободна.

Марьяна не знала, как справилась бы сейчас, если бы не она...

Под негромкие голоса из гостиной («Нет, Арина, эту не сюда, а вот сюда!») Марьяна разложила продукты в холодильнике, высыпала круглобокую картошку в специально предназначенный для нее ящик, перемыла посуду в раковине и вытерла кухонный стол. Потом осмотрелась и решила, что до воскресенья квартира без уборки переживет. А это открывало невиданные возможности: можно прямо сейчас уже ехать и лечь спать до двенадцати!

— Марьяна, хотела поговорить с тобой, — сказала мама, когда девушка снова заглянула в гостиную. — Проверила сегодня обувь, и зимние сапоги... В общем, чинить их уже бесполезно. Нужно будет новые покупать.

— Вот черт. — На сапоги Марьяна не рассчитывала. — Точно не продержатся?

— Они каши просят. — Мама едва заметно поджала губы. — Ты же знаешь, что мне нельзя простужаться.